

Благодаря своему географическому положению Армения играла важную роль в политической и экономической жизни Передней Азии. Ее экономические связи с другими странами расширились во время становления и развития феодальных отношений, особенно в условиях роста товарного производства. Через Армянское нагорье проходили магистральные стратегические и торговые пути, соединяющие запад с востоком, север с югом. Развитие культурно-экономической жизни страны в какой-то мере было связано с транзитной торговлей, в которой армяне принимали активное участие. Из Армении вывозили разного рода сельскохозяйственную продукцию, полезные ископаемые; особенно большим спросом пользовалась высокохудожественная продукция ремесленного производства. В Армению с Ближнего Востока, из Византии, Дальнего Востока, с севера ввозили пряности, благовония, китайский шелк, различные бытовые изделия, в том числе керамику и стекло.

В средние века на Ближнем Востоке и в Византии бурно развивается стеклоделие, и, естественно, что стекло становится одним из важных объектов международной торговли. Об этом свидетельствуют раскопки крупных городов Армении: Ани и Двина. Несмотря на то, что Армения слывала своей ремесленной продукцией, в которой большое место занимали изделия из стекла, в числе ввозимых товаров определенное место принадлежит продукции знаменитых египетских, сирийских, иракских, иранских и византийских мастеров. Основная цель настоящей работы—изучить этот материал и по мере возможности внести некоторые уточнения в вопросы, связанные с торгово-экономическими отношениями средневековой Армении с другими странами.

* * *

В раннем средневековье внутренняя торговля в городах Армении была развита сравнительно слабо. Еще в IV в. большой удар по городской жизни был нанесен походами Шапура II. Это был удар и по ремесленному производству и торговле, восстановление которых потребовало длительного времени. Некоторые сведения относительно внутренней торговли этого периода сохранились в церковных канонах, категорически запрещающих лицам духовного звания заниматься торговлей, которая считалась лишь светским занятием¹.

Будучи расположенной между двумя великими державами—Ираном и Византией—Армения стала одним из центров международной транзитной торговли. В кодексе Юстиниана, в императорском

эдикте 408/9 г., говорится о договоре, заключенном между Византийской империей и Сасанидским Ираном, согласно которому международный торговый обмен в Передней Азии разрешалось вести только в трех пунктах—Мцбине (Нисибин, Иран), Каллиникуме (Ракка на Евфрате, Византия) и Арташате (Армения). Впоследствии роль Арташата перешла к другой столице Армении, расположенной поблизости,—Двину².

Главные торговые пути Армении этой эпохи подробно отмечены на географической карте *tabula Peutingeriana*. По этой карте Арташат, а с V в. Двин магистральями были связаны с Ираном, Малой Азией, Византией, Грузией, с восточным и северным портами Черного моря. Здесь указана также «царская дорога» (*«σφραγική ὁδὸς»*) между Арташатом и Тигранакертом, которая была частью «Великого шелкового пути», идущего из Китая³.

Наряду со столицами в международной торговле принимали участие все города, расположенные на главных торговых путях, среди которых особо выделялись Феодосиополь (Карин) и Вагаршапат.

В V в. последняя столица Аршакидов, Двин, основанная в 30-х гг. IV в., становится крупным центром транзитной торговли. Впоследствии город был резиденцией армянских правителей, персидских и арабских наместников, а более четырех столетий—центром армянской церкви. Двин был крупнейшим культурно-экономическим центром Армении. Прокопий Кесарийский сообщает, что «Двин (Дубиос)—страна очень плодородная, имеет хорошую воду и воздух... Тут поля—ровные, удобные для конской езды, в окружении многолюдные села, где проживают многочисленные торговцы, прибывшие сюда из Индии, соседней Иберии, почти от всех народов, подвластных персам, и даже из римских стран привозят туда товары, которыми тут же торгуют»⁴.

Согласно итинерарию-дорожнику (по-арм. «мгоначак»—«милемер»), составленному Ананией Ширакаци в VII в., из Двина в разных направлениях шли пять торговых путей. Северная дорога через Партав и Дербенд вела в Восточную Европу, западная—через Малую Азию в Константинополь, юго-западная—Дамаск, Иерусалим и Северную Африку, юго-восточная—в Нахичеван, Ктесифон, к Персидскому заливу, восточная—в Пайтакаран, к Каспийскому морю и в Среднюю Азию⁵.

Средневековые армянские дорожники дают более подробную картину торговых путей, не ограничиваясь только административными пунктами.

Важный торговый путь, соединявший Индию с Закавказьем—Нахичеванью, Двином и Шираком и проходивший Бактрию, по южным берегам Каспийского моря, указан в другой работе Ширакаци. По этой дороге возили жемчуг и другие драгоценные камни⁶.

Большой интерес представляют свидетельства о проникновении в Армению с торговыми целями несториан⁷, переселившихся сюда из области Хужанстан (Хужастан), одной из крупных торговых и ремесленных центров Сасанидского Ирана. Несториане, игравшие большую роль в торговле Ирана, по-видимому, создали в Двине свою общину. Торговые общины в Двине, вероятно, имели и сирийцы, считавшиеся в Средиземноморье и на Ближнем Востоке умелыми торговцами⁸. Об этих общинах косвенно свидетельствуют археологические находки, в частности, буллы, некоторые оттиски которых явно иноземного происхождения⁹.

Глиняные буллы с оттисками различных печатей, найденные в Двине (табл. XLVII, 1—6), освещают некоторые детали организации торговли в раннесредневековой Армении. Буллы прилагались или подвешивались на веревочке на государственные документы, на торговые тюки, ими опечатывали двери кладовых. Наличие на предметах торговли буллы с оттисками печатей свидетельствовало о его юридической принадлежности. Печати на буллах были как государственные, так и личные. В Двине найдена 41 булла, причем некоторые из них имели до 24 печатей. Наличие большого числа печатей на одной булле, и тот факт, что те же печати встречаются и на других буллах, приводит исследователей к заключению о том, что в средневековой Армении купцы имели свои организации, свои купеческие товарищества, особенно необходимые при дальних путешествиях и внешне-торговых операциях¹⁰.

О роли торговцев в государственной и общественной жизни, о размерах их богатства свидетельствует историк VII в. Себеос. Во время похода византийцев армянские князья укрепились в замках, взяв себе как церковное, так и княжеское и купеческое имущество (сокровища)¹¹.

Особую ценность при изучении торговых связей представляет нумизматический материал, в частности, монетные клады V—VII вв. (табл. XLVIII). Наиболее ранними образцами денег, имевших обращение в Двине, являются сасанидские серебряные драхмы, бывшие основной платежной единицей по всему Переднему Востоку.

В VI в. в Двине имели хождение монеты тридцати монетных дворов иранских родов. Наряду с сасанидскими драхмами, имели обращение византийские медные и серебряные монеты, золотые динары, о чем свидетельствуют письменные памятники¹². Монетные находки ярко отражают картину торговли, которая велась между Востоком и Западом через Армению.

Прямое отношение к вопросу о денежном обращении и, в особенности, распространении византийских динаров имеют обнаруженные в Двине три небольших стеклянных диска с оттисками печатей,

изображающих кресты, концы которых отмечены буквой N, в двух случаях, и з—в одном (табл. XLVI, 7—9). Это образцы византийских эксагий-эталонов весом 4,52; 4,52; 4,40 г.¹³, которые применялись для контроля и взвешивания византийских золотых динаров. Буквы на конце креста соответствуют первым буквам слов «номисма» и «эксагион». Эксагии имели широкое распространение в Византийской империи; ими пользовались также в тех странах, которые в V—VII вв. вели с ней оживленную торговлю. В Двине обнаружены также две византийские бронзовые гири весом в 2 и 12 номисмы, которые употреблялись ювелирами для взвешивания золота и золотых украшений (табл. XLVII, 7).

В начальный период арабского владычества, в конце VII—первой половине VIII вв. в монетной системе Армении особых изменений не наблюдается; по-прежнему имели обращение как сасанидские, так и византийские монеты. Одновременно в первой половине VIII в. появляются монеты халифата, и Армения входит в систему денежного обращения арабского халифата.

Экономический упадок, переживаемый Арменией во время арабского ига (конец VII—начало IX вв.), резко отразился на ее внешней торговле. Несмотря на условия, созданные для широкого обращения с разными областями халифата, роль Армении в международной торговле в этот период заметно ослабла. Непрерывные войны с Византией положили конец торговым сношениям стран Востока с Малой Азией, в частности, с Трапезундом¹⁴. Прекращение транзитной торговли через Армению стало одной из причин упадка и ее городов, превратившихся в военно-административные центры¹⁵. Главными городами по-прежнему оставались Двин—столица Армении и в некоторой степени Феодосиополь, о ремесленном производстве которых очень похвально отзываются арабские авторы (Иакуби, Иакут и др.). Однако, несмотря на ограничения, Армения продолжала вести внешнюю торговлю со странами халифата, с Ираном, Ираком. Имеются сведения о торговых сношениях с хазарами¹⁶.

Торговые пути реконструируются по находкам монет. Эти дороги упоминаются и в арабских дорожниках, в основном служивших военным целям.

Арабские дорожники были составлены в помощь военным и чиновникам. Они составлены четко и подробно, с отметками пунктов дневного перехода и остановок. Все пути сходились в административных центрах северной провинции арабского халифата—Двине, Партаве, Марагс и Ардебиле. Пути, указанные в арабских дорожниках, вполне соответствовали той задаче, которую ставили их авторы. Будучи призванными облегчить административное управление страной, они в основном отражают пути, связанные с арабскими центрами. Однако, естественно, что этими дорогами пользовались не только войска и сборщики налогов, но и торговые караваны¹⁷.

С начала VIII в. в Двине начинают чеканить свои монеты, которые, как показывают монетные на-

ходки, наряду с другими арабскими дирхемами имеют широкое обращение на международном рынке, и Армения как одна из провинций халифата также входит в ареал его торговых связей. Во многих кладах, найденных в Европе—в Старой Ладоге, Новгороде, Киеве, Москве, Рязани, в Швеции, Финляндии, Дании¹⁸—и относящихся к IX—X вв., имеются монеты, чеканенные на монетных дворах Армении.

В VIII—IX вв. в Армении имеют обращение денежные единицы соседних государств (Иран, Сирия, Табаристан, Фарс, Балх) и городов (Нишапур, Мерв, Герат, Бухара, Самарканд и многие другие), что свидетельствует о широких торговых связях с этими областями¹⁹. Наиболее характерными для торгового обмена в этот период были серебряные монеты Багдада и Рея. Судя по арабским дорожникам особо важными в экономическом отношении были восточные и юго-восточные торговые пути. Внутри же страны были в ходу в основном медные монеты.

С IX в. во всех областях халифата, в том числе и в Армении, развитие получают производительные силы. Экономический подъем приводит к формированию феодального города, расширению товарного производства, отделению ремесленного производства от земледелия, росту внутренней и внешней торговли²⁰.

В IX в. политическая обстановка в Передней Азии меняется. Начинается распад некогда могущественного арабского халифата. Ослабление центральной власти Аббасидов создает возможность для политического оживления периферийных полунезависимых княжеств. В то же время на Западе усиливается Византийская империя, во главе которой становится новая Македонская династия. После длительной борьбы Армения освобождается от арабского ига, и во второй половине IX в. образуется армянское царство Багратидов. Армянские цари, добившись независимости, стремятся к упрочению экономического положения страны.

О торговых путях Армении при Багратидах много упоминаний имеется в армянских и арабских источниках. Они подробно исследованы Я. А. Манандяном²¹ и Б. Н. Аракеляном²². Через Армению проходили две главные линии международной транзитной торговли—северная и южная, со своими ответвлениями. Главным перевалочным пунктом оставался Двин, через который проходили дороги по всем направлениям. В X в. важную роль в транзитной торговле начинает играть город Ани, выполнявший также административные функции.

Одним из первых дипломатических шагов армянских Багратидов был торговый договор с Византийской империей, заключенный в конце IX в.²³, согласно которому армянские купцы получили возможность вести торговлю через черноморские порты—Трапезунд и Синоп.

В армянских дорожниках, составленных до заключения договора, отмечен только сухопутный путь, ведущий из Армении в Европу. Дорога начиналась в Двине и шла через Карин, Ерзнка, Конию, Амасию, Константинополь и далее в Рим. В

конце IX—начале X вв. некоторые из этих городов находились под властью мелких полунезависимых от халифата мусульманских эмиров и были труднодоступны для торговых караванов. Согласно договору между армянским царем и византийским императором новый караванный путь должен был проходить через северные города Армении: Ани, Карс, Арци, Артанудж—и выходить к черноморским портам. Оттуда одна дорога вела морем к столице империи, а другая—на север, в Крым. Трапезунд, являвшийся центром византийской торговли на Черном море, был хорошо известным портом еще до владычества арабов в Армении; в нем сходились многие сухопутные и морские пути. В городе несколько раз в году устраивались ярмарки, на которые съезжались купцы из разных стран. На трапезундских ярмарках можно было купить всевозможные товары и, в первую очередь, знаменитые византийские ткани²⁴.

Таким образом, в конце X—начале XI вв. торговля в основном сосредотачивается на Западе, в Византии, в связи с чем города Карс, Арци, Артанудж, находящиеся на пути из Двина и Ани в Трапезунд, начинают процветать и богатеть. Современники с восторгом описывают несметные богатства, которые получали эти города от торговли «с моря и суши».

Благодаря оживленной торговле с Византией в Армению стекается большое количество византийских золотых монет, которые, как более твердая валюта, постепенно вытесняют арабский дирхем. Во всех золотых монетных кладах, найденных при раскопках Двина и его окрестностей, имеются монеты константинопольского чекана—дукаты.

Многочисленные лапидарные надписи на стенах армянских храмов являются своего рода документами денежных операций²⁵. Упоминания о золотых византийских дукатах встречаются и в конце XIII в. Они, по всей вероятности, и в это время считались наиболее стабильной денежной единицей.

Монетные находки из Двина дают определенную картину торговых отношений, характерную для всей Армении, и в то же время четко отражают политическую ситуацию в стране.

После падения царства Багратидов (1045 г.) и нашествия сельджуков (1048 г.) в Армении временно наблюдается экономический спад. Политическая и экономическая жизнь армян в основном сосредотачивается на средиземноморском побережье, где в XI в. было создано Киликийское армянское царство, которое на протяжении трех столетий играло важную роль в политических событиях Ближнего Востока. После первых же крестовых походов между Западом и Востоком завязалась оживленная торговля, которая главным образом велась через Киликию²⁶. Благодаря своим морским портам и сухопутным дорогам, армяне принимали активное участие в этой торговле и поддерживали связи с коренной Арменией и мусульманскими восточными странами. Об этом свидетельствуют многочисленные находки киликий-

ских монет, а также предметов художественного ремесла в разных регионах²⁷.

Сельджуки, не сумевшие привить в Армении свой кочевой уклад, сами вынуждены были приспособиться к хозяйственной жизни завоеванных стран, где уже в XII в. наблюдается новый экономический подъем и дальнейший рост городов. Во второй половине XII и первой трети XIII вв. города Армении: Двин, Ани, Карин, Карс и др.—были крупными центрами ремесленного производства и торговли. Археологические раскопки в Двине и Ани, как и письменные источники свидетельствуют об оживленной торговле с разными странами. Здесь обнаружены великолепная фаянсовая посуда из центров Ирана (Рей, Кашан, Султанабад)²⁸, ссладон китайского происхождения, стекло из сирийских центров и др. Из восточных стран привозили драгоценные камни, золото, благовония и другие товары²⁹.

С конца XII в. наблюдается большой наплыв грузинских монет, особенно много найдено монет цариц Тамары и Русудан, чеканенных в 1200 и 1227 гг.³⁰. Развитию армяно-грузинских торговых отношений способствовала политическая обстановка, создавшаяся после освобождения армяно-грузинским войском части Армении, в том числе таких крупных городов, как Ани и Двин, от сельджуков.

В результате оживленной торговли, главным образом международной, в XII—XIII вв. в городах Армении выделяется прослойка богатых людей (*մեծաւորներ*), представителей торгового и ростовщического капитала. Об их огромных богатствах, крупных денежных операциях, купле и продаже больших земельных участков и недвижимого имущества, об их значительных дарах церкви мы узнаем из дарственных надписей, которые имеются в большом количестве на стенах архитектурных памятников Армении. До нас дошли и имена некоторых представителей торгового мира и финансовой аристократии того времени—Парона Умека, Самадина, Тиграна Оненца и др.³¹

* * *

Основные правила и законы торговли в средневековой Армении нашли отражение в статье 240 раздела светских законов Судебника Мхитара Гюша³². Хотя свод был составлен в XII в., эта статья, как и многие другие, отражала традиционную организацию торговли, сложившуюся в Армении в течение веков.

Торговля в городах была монополией главы государства. Исполнителями на местах были князья, регулировавшие торговлю как в городах, так и в других пунктах, в обязанности которых входило установление мер и весов продаваемых товаров. Размер пошлин устанавливался государством и был единым для всех; взималась она только на месте торгового и после продажи привезенного товара.

Как внутренняя, так и международная торговля требовала рынка. Одним из крупных торговых

мероприятий в средневековье были рынки-ярмарки, которые устраивались в заранее установленное время и в определенных местах. Ярмарки носили как местный, так и международный характер. Местные ярмарки, на которые собирались жители соседних городов и сел, устраивались часто: каждую неделю или месяц. Так, например, в Закавказском городе Партаве большие ярмарки устраивались каждое воскресенье. Туда съезжались купцы со всего Закавказья, а также из Северного Ирана. Об этом арабский географ Истахри пишет: «...около ворот Бердаа (Партава), называемых «Воротами курдов», имеется рынок «ал-кюркий» от армянского *«Կիրակի»*—воскресенье», величиною в фарсах в квадрате. На него собирается народ каждое воскресенье, и стекаются сюда люди со всевозможных стран. Этот рынок значительнее рынка «Куль-сере»³³. Активное участие в воскресных ярмарках в Партаве принимали купцы из Армении.

Международные ярмарки устраивались реже, но длились дольше—неделю и даже месяц. Раз в году устраивались большие ярмарки в городе Трапезунде на берегу Черного моря, куда приезжали купцы из Византии, Европы, Ирана, Сирии, а также из Армении.

В больших городах, как правило, кроме главного, центрального, существовали и более мелкие, часто специализированные рынки, где торговали одним видом ремесленной или сельскохозяйственной продукции. На рынке для каждого вида товара имелось постоянное место продажи. Это были целые ряды или отдельные лавки. Из эпиграфического материала узнаем, что в городе Ани существовали ремесленные и торговые специализации рынков, улиц и кварталов (рынки для продажи скота, хлопка, улицы кузнецов, квартал ковалей, ряды мануфактуристов).

В условиях средневековой политической раздробленности, частых войн и разбойничьих набегов путешествия купцов в одиночку были не только трудными, но и опасными. Это обстоятельство привело к необходимости объединения купцов в большие организованные коллективы, к комплектованию караванов со своим внутренним распорядком. Во главе каравана стояли должностные лица, как правило, из богатых купцов, при которых, в свою очередь, имелся определенный штат служащих (приказчики, писцы, нотариусы и др.). Каждый караван имел свои обычаи и правила внутреннего распорядка. Существовали сборно-перевалочные пункты, где отряды из разных мест объединялись в большой караван. Купцы за специальную плату нанимали сопровождающих и охрану. Весьма интересно, что организованные караваны независимо от национальной принадлежности и вероисповедания пользовались покровительством властей и даже при военном положении беспрепятственно продолжали свой путь. Неприкосновенность торгового каравана, очевидно, была в то время наиболее целесообразной формой междуна-

родных экономических отношений. Даже самые воинственные правители, монгольские ханы, были в тесном контакте с представителями торгового капитала и покровительствовали им. Купеческие организации продолжали действовать и на местах, назначения. Как правило, люди из одного города или одной национальности и вероисповедания селились вместе в определенной части города или поселка, за пределами городской стены. Там они устраивали общие подворья, складские помещения, занимали общую охрану.

Если торговля с каким-либо городом была систематической, то временные торговые фактории, где бы они ни были—за городом или в обособленном районе торговой части города—превращались в постоянные места жительства купцов. Вместо временных сооружений строились постоянное жилье, складские помещения. Для обеспечения торговцев и их караванов необходимыми удобствами вдоль дорог, как правило, на расстоянии дневного пути или на трудных перевалах строились каравансарай, постоянные дворы. Размеры и количество гостиниц для купцов были прямо пропорциональны роли и значению данного города как торгового центра. В них были созданы все условия для приезжих, имелись помещения для животных, склады для товаров и лавки для торговли.

В городе Ани было раскопано несколько таких объектов. Два из них, самых больших и богато оформленных, находились в центре деловой торговой части города, на базарной площади, недалеко от «Главной улицы» и центральных ворот.

На одном из участков городского квартала Двина частично раскопано общественное здание VII в., возможно, центрального рынка города. Помещение это занимало большое пространство и имело колоннаду в четыре ряда колонн, из которых открыто только 36³⁴.

* * *

Для уточнения ряда вопросов, связанных с внешними торговыми сношениями Армении, богатый материал предоставляют раскопки средневековых памятников, в особенности столиц Двина и Ани, где обнаружены художественная керамика и стекло. Здесь собрана большая коллекция уникальных образцов местных и импортных стеклянных предметов, представляющая значительную историческую ценность благодаря своей многочисленности и разнообразию форм и расширяющая наши представления о стеклоделии в Закавказье и на Переднем Востоке в IX—XIII вв.³⁵ Она по праву считается одной из самых больших средневековых коллекций изделий из стекла, найденных при раскопках производственных центров Ближнего Востока.

Стеклоделие в Армении имеет очень глубокие корни. Ранние образцы стекла в виде пастовых бус найдены в погребениях II—I тыс. до н. э., а также в урартских памятниках³⁶. Высокого разви-

тия достигает стеклоделие в античный период³⁷. Следует отметить материалы последних раскопок из Арташата³⁸, среди которых имеется весьма интересная находка—гипсовая форма для отливки чаш с фасетками.

Средневековое стеклоделие продолжает лучшие традиции античного производства. Об этом свидетельствуют находки раннесредневекового стекла в Двине, Адагване, Айгеване, Гарни. Сведения о развитии стеклоделия в Армении сохранились в армянских и иноязычных письменных источниках. Впервые мы встречаем их у историка IV в. Агафангела в связи с описанием жития св. Рипсимэ³⁹.

Интересные упоминания о различных стеклянных сосудах и церковной утвари имеются у армянских историков⁴⁰. Товма Ариуни сообщает о метательных снарядах, представляющих собой сосуды, наполненные нефтью и серой, которые применялись во время военных действий⁴¹. В армянских рукописях XIV—XVI вв.⁴² сохранились весьма примечательные данные о технологии и рецептах изготовления стекла, которые, несомненно, переписаны из более ранних источников. Видимо, в Армении имелись богатые залежи сырья для изготовления стекла, на что и указывают источники⁴³. Очень ценные сведения о стеклоделии в Армении оставили византийские и арабские авторы. О производстве стекла в Басене пишет митрополит Трапезунда—Лазаропулос⁴⁴. Арабский историк Ибн Хаукаль сообщает о производстве в Армении изделий из стекла и цветного хрусталя⁴⁵. При перечислении даров, посланных армянским царем Смбатом I арабскому наместнику, наряду с роскошной одеждой упоминаются кубки и сосуды из разноцветного стекла, украшенные золотом,—дело рук византийских мастеров⁴⁶.

Один из армянских историков сообщает, что царица Катраниде выписала из Индии дорогостоящую хрустальную люстру (10 000 дирхемов), которая наряду с серебряным крестом украшала Анийский кафедральный собор⁴⁷.

Одним из знаменитых центров стеклоделия был город Двин—крупный ремесленно-торговый, культурный и административный центр средневековой Армении⁴⁸. Изучение стеклянных изделий из раскопок Двина дает возможность не только ознакомиться с образцами местного производства, но и проследить пути его развития. В Двине, на месте разрушенного дворца V—VI вв. открыты остатки печей для выплавки стекла⁴⁹. Там же в большом количестве найден производственный брак стеклянных изделий: обломки лампад, оконного стекла и др. Химический анализ этих стекол показывает, что при их производстве широко употреблялся обсидаан, а также доломит, огромные запасы которых имеются неподалеку от Двина. По всей вероятности, в Двине в IX—XIII вв. действовало несколько мастерских, продукция которых отличалась своими характерными чертами, стилистическими и технологическими особенностями⁵⁰. Каждая мас-

терская пользовалась своим рецептом, что подтверждают химические анализы.

Для двинского стекла IX—XIII вв. характерно наличие большого количества алюминия.

Химический состав двинского стекла

Состав	№7*	№34*	По типу №1		По т. пу №3—13
			2416/8	2446/30	
SiO ₂	69.80	65.58	65.25	65.01	68.90
Al ₂ O ₃	1.73	2.52	2.11	1.63	2.21
Fe ₂ O ₃	0.28	2.12	0.74	1.01	0.35
MnO	0.26	1.60	0.43	0.087	0.24
CaO	5.80	5.51	8.94	7.82	6.02
MgO	5.16	4.40	3.77	3.57	15.17
Na ₂ O	12.50	14.34	13.87	15.29	2.83
K ₂ O	3.73	2.88	2.87	3.12	3.64
Li ₂ O	0.46	0.44	0.32	0.41	0.46
CuO	H ₂ O	0.1	—	—	H ₂ O
SO ₂	0.40	0.37	0.67	—	0.47
TiO ₂	—	—	0.13	0.14	—

* По каталогу.

Видимо, это связано, в первую очередь, с местным сырьем. Сопоставление армянских и грузинских средневековых рецептов показывает, что для грузинского стекла⁵¹ характерно малое количество алюминия. Более того, химические анализы стекол двинских импортных изделий, проведенные выборочно, указывают на разницу в рецептуре армянских и ближневосточных мастеров⁵². Однако некоторые исследователи считают, что двинское стеклоделение берет свое начало от средневекового источника (Иран, Ирак); впоследствии оно развивалось на месте в различных направлениях⁵³.

Определение места производства стеклянных предметов, особенно при помощи химического анализа стекла, осложняется тем, что в средневековые существовала практика переселения ремесленников из одной страны в другую. Так, письменные источники рассказывают о переселении стеклодувов из Сирии в Египет, Ирак (Самарру) и другие центры Ирана и Месопотамии. Эти ремесленники, разумеется, налаживали производство на новом месте в традициях своей страны. При этом стеклоделы часто привозили с собой не только свое мастерство и инструменты, но и главные компоненты сырья⁵⁴. Это обстоятельство привело к тому, что изделия, найденные в разных странах, часто имеют близкий химический состав, и поэтому определение места их производства на основании химического состава встречает затруднения.

Мастера, умело используя местный материал и соблюдая старые традиции, создавали высокохудожественные изделия. Стеклянные сосуды—как хозяйственные, так и высокохудожественные изделия—прочно вошли в быт горожан. Однако несмотря на высокое качество изделий из стекла местного производства, жители Двина и Ани, особенно богатая прослойка, покупали работы прославленных мастерских Ирана, Сирии, Византии.

Двинская коллекция стеклянных изделий из

слоев V—VIII вв., содержащая большое количество первоклассных предметов, привезенных из этих стран, воспроизводит четкую картину торговых связей.

Древнейшие и лучшие образцы привозного стекла, найденные при раскопках, относятся к продукции иранских мастерских⁵⁵. Предметы эти малочисленны и в основном фрагментарны; они представлены различными формами, но имеют единую технику изготовления и декорировки. Это сосуды и чаши из толстого полупрозрачного стекла со шлифованными глубокими фасетками различной конфигурации (табл. I—II, XIV, 1—2). Подобные чаши изготавливались и в местных мастерских, но они отличаются от привозных по своей фактуре и технике.

В этой группе особо выделяется чаша, украшенная концентрическими кругами. Подобные чаши встречаются очень редко. В закавказских памятниках они найдены лишь в Двине⁵⁶ (три фрагмента) и крепости Ацаван⁵⁷ (один фрагмент). В ближневосточных стеклодельческих центрах, особенно в Сузах и Кише, эти чаши получили широкое распространение в V—VIII вв. По всей вероятности, двинские экземпляры происходят из этих производственных центров.

В группу ранних стеклянных изделий входит также флакон грушевидной формы с треугольными рельефными украшениями⁵⁸. Фактура стекла этого сосуда имеет сходство с фактурой стекла чаши с круглыми фасетками. Близкие параллели к этим сосудам нам не известны ни в закавказских, ни в ближневосточных центрах. Изредка сосуды с рельефными украшениями и флаконы подобной формы, датируемые IV—VI вв., встречаются в Сирии и Палестине.

Следующая группа привозных изделий—толстостенные стаканы цилиндрической формы (табл. IV, VI—XIII, XIV, 3—9, 11—12), распространенные в Передней Азии в IX—X вв. В специальной литературе они известны как продукция «аббасидских мастерских» Ирака (Багдада и Самарры), служившая предметом широкой торговли. Толстостенные цилиндрические стаканы с резным орнаментом встречаются на очень обширной территории: в Средней Азии (Афрасиаб, Кулдор-тепе, Карабулак); на Северном Кавказе и даже в Северной Европе, в частности в Бирке, археологически хорошо исследованном средневековом шведском торговом городе, раскопки которого выявили его широкие торговые связи с Востоком. Эти стаканы, как правило, входящие в один археологический комплекс с аббасидскими монетами, имели широкое распространение и хорошо известны по археологической литературе. Встречается несколько разновидностей таких стаканов; так, часть стаканов украшена круглыми фасетками, встречаемыми и на сферических чашах, миндалевидными углублениями и ромбами сложной конструкции. Кроме ранее опубликованных образцов⁵⁹, за последние годы в центральном квартале Двина, где до конца IX в. находились кафедральный собор, дворец ка-

толикоса и дворцы богатых горожан, найдены пер-воклассные экземпляры таких стаканов из толсто-го бесцветного стекла, украшенные резными узо-рами. Особо выделяется образец, покрытый рез-ным орнаментом, который по вертикали делит по-верхность сосуда на четыре поля. В двух меньших полях помещены двулистные пальметки с отходя-щими в стороны завитками, рельефная часть кото-рых окрашена в зеленый цвет (табл. IX, IXa), а в двух широких—спирали с трехлепестковой паль-меткой в центре, лепестки которой были дополни-тельно гравированы. Уникальными можно с пол-ным основанием считать три стакана из раскопок 1977 г. с орнаментом, выполненным с исключи-тельным мастерством (табл. VII—VIII, X). На одном образце основной орнамент в виде ветки, повторяющийся дважды, помещен на аппликации из зеленого стекла. В Двине найдены также фраг-менты подобных цилиндрических стаканов, но без орнамента. На одном из фрагментов из высокока-чественного стекла, относящемся к тулову, частич-но сохранилась куфическая надпись, которая ус-ловно читается как слово «ал-шараф»—«сохрани-честь» (табл. XIII).

В двинской коллекции стекла имеется неболь-шая чаша также с арабской куфической надписью на борту. Она была выдута в форме, в результате чего надпись получилась крайне нечеткой. По сти-листическим особенностям букв удалось установить время и место изготовления чаши: она относится к северомесопотамским изделиям IX в. (табл. XII).

Следующую группу стеклянных предметов из Двина составляют стаканы из сравнительно тонко-го прозрачного стекла, расширяющиеся в верхней части (табл. XVI—XVIII). Судя по более богатой декорровке, они относятся к дорогостоящим и ред-ким изделиям. В коллекциях стекла, в основном Ирана и Ирака, они встречаются в единичных эк-земплярах. Подобные стаканы были обнаружены при раскопках Самарры, столицы Аббасидов.

Образцами международного торгового обмена уже давно считаются небольшие толстостенные флаконы с устойчивым дном и узким горлом, ко-торые в значительном количестве находят при рас-копках средневековых городов и замков (табл. XV). Они отливались в форме и дополнительно обрабатывались вручную в холодном состоянии. Эти флаконы были очень удобны для хранения и перевозки душистых масел и благовоний. Сравне-ние формы, деталей огранки, фактуры стекла этих сосудов с аналогичными изделиями из Сирии и Египта (Фустат) убеждает нас в том, что их сле-дует считать привозными. Очевидно, именно об этих флаконах, предназначенных для «зелья и бла-говоний», упоминается в литературных источниках, сообщающих о специальной посуде, которой тор-гуют на рынках Сирии и Египта.

Коллекция двинского стекла обладает уни-кальной вазой с двумя щитовидными ручками, из-готовленной из бесцветного толстого стекла и пок-рытой глубоким резным орнаментом (табл. V). Первоначально орнамент был нанесен при помощи формы, а затем дополнительно обработан резьбой

и шлифовкой. Аналогии к этим чашам единичны; нам известен лишь один экземпляр из зеленого стекла, хранящийся в Корнингском музее стекла (США) и определяемый как иранское изделие IX—X вв.

При раскопках городов IX—X вв. часто встре-чаются флаконы и их горловины, изготовленные из высококачественного стекла и обработанные сложной техникой гранения или огранки. В двин-ской коллекции имеется один целый флакон и несколько горловин (табл. XX—XXI). В большом количестве подобные флаконы обнаружены на довольно обширной территории Передней Азии и в городах: Самарре, Рее, Нишапуре, Афрасиабе. Особенно много их найдено в Хульбуке, торгово-ремесленном городе в Средней Азии⁶⁰. Это обстоя-тельство дает возможность исследователям пред-полагать, что место производства подобных фла-конов могло находиться недалеко от этого города.

В собрании стеклянных предметов из цен-трального квартала Двина особо выделяется кув-шин грушевидной формы из толстого кристалли-ческого стекла (табл. XIX), по форме напоминаю-щий металлические сосуды, пользующиеся особым спросом в предшествующую эпоху. Аналогичный флакон, почти совпадающий в деталях, найден в Нишапуре (Берлинский музей). Оба сосуда, несом-ненно, происходят из одной мастерской и по месту находки датируются IX в.

Указанные изделия, привезенные в Двин из различных городов Ближнего Востока, объединя-ются в одну группу по качеству стекла. Они были изготовлены из стекла особого состава, имеющего характерную структуру и имитирующего горный хрусталь. Неслучайно древние авторы часто терми-нологически путают горный хрусталь с «кристал-лическим стеклом», называя то и другое «булур».

В центральном квартале Двина среди изделий, обнаруженных в слоях IX в. выделяется флакон из синего стекла сфероконической формы с узким горлом, покрытый серебряной патиной. На тулову сосуда был нанесен рисунок. Из-за фрагментарнос-ти сосуда восстановить рисунок полностью невоз-можно. Он выполнен коричневой краской. Сохра-нилась живописная фигура птицы, возможно орла, которая держит в когтях свою жертву, судя по сохранившейся нижней половине, зайца. Крылья и другие детали фигуры птицы украшены завитка-ми и пальметками. Из арабских надписей, сделан-ных шрифтом куфи и помещенных между фигура-ми, удалось восстановить только несколько слов («фа алайһи»—«и на нем», «ма массаһу...ал мн'а(?)»—«кто прилипнет...сто(?)», «йамассуһу фи джауһариһи»—«прилипнет к бриллианту»)⁶¹. Оче-видно, на этом сосуде, как и в других подобных случаях, полный текст содержал пожелания бла-га*. Аналогий к этому сосуду нами не обнаружено (табл. XXVIII, XXVIIIa).

* Надписи на всех сосудах прочтены доктором ист. наук А. Н. Тер-Гевондяном.

Неподалеку от этого участка центрального квартала среди других предметов IX в. в 1980 г. были обнаружены фрагменты трех тюльпанообразных стаканов с округлым дном.

На тулове одного экземпляра, на фоне растительного орнамента разноцветными красками было изображено фантастическое животное (табл. XXIII, 28); на борту желто-коричневой краской была сделана надпись, условно читаемая как «бисм иллаһ ал-рах/ман/..., /ва/һ-даһу»...—«во имя аллаха милостивого... единственный». На фрагменте второго небольшого стакана сохранились остатки растительного орнамента и пять букв надписи по верхнему борту—«йан'аму...»—«наслаждается»... (табл. XXIII, 29). Узор на тулове третьего стакана состоял из четырехлепестковых цветков; лепестки были выполнены зеленой краской и оконтурены коричневой (табл. XXIV, XXIVa). Можно разобрать отдельные слова надписи по борту, выполненной коричневой краской: «а/һад»—«один», «кайфа»—«как», «ирһамаһа»—«благослови», «куллу»—«все», «арифа»—«узнал». Аналогии к этим стаканам немногочисленны; схожий образец имеется в Гос. историческом музее в Москве, где он выставлен в витрине «Торговые связи Золотой Орды в XIII—XIV вв.» Место находки стакана неизвестно, а датировка, судя по нашим экземплярам, неверна. Более близкие аналогии можно встретить среди находок из Сирии и Египта, относящихся к VIII—IX вв. Стакан с подобной росписью, датируемый IX в. и предположительно происходящий из Египта, хранится в фондах Метрополитен-музея (США). Не исключено, что расписные стеклянные сосуды ввозились также из Самарры, где во время раскопок было обнаружено большое количество подобного стекла.

К рассматриваемой группе сосудов примыкает и глубокая чаша с отогнутым бортом, изготовленная из тонкого прозрачного стекла и также расписанная желтой, коричневой и зеленой краской. Узор на борту делится на четыре горизонтальные полосы. По верхней полосе проходит надпись, выполненная коричневой краской на желтом фоне («абкаһу аллаһ һува(?) амила»—«сохрани аллах он сделал...»), вторая полоса, самая широкая, содержит растительный орнамент, состоящий из чередующихся трехствольных деревьев и небольших кустиков между ними. Третья полоса заполнена надписью, выполненной коричневой краской («һува аллаһ лисаһибини амаһу»—«он аллах своего господина впереди»). Нижняя полоса, расположенная почти у дна, украшена ромбами и точками. На дне чаши помещены надпись («талабан»—«попросив», «барака»—«благословенне») и стилизованное изображение луны и солнца (табл. XXV, XXVa).

В двинской коллекции стекла имеется еще несколько обломков чаш из зеленого прозрачного стекла с росписью и надписями, выполненными коричневой краской (табл. XXVI, XXVII).

Техника росписи стекла эмалью, традиционная

для египетских мастерских, в Передней Азии входит в моду с IX в. и получает широкое распространение в XI—XIII вв. в византийских и сирийских мастерских. В этих мастерских еще с античного времени с египетской традицией росписи эмалью сочетали роспись золотом. По мере развития и усовершенствования этой техники в течение двух столетий появляются отдельные школы-мастерские с присущими им характерными чертами и особенностями художественного стиля. В отдельных случаях роспись на стеклянной посуде выполнена с высокой степенью мастерства. Отличительной чертой этих школ являются не столько форма сосудов и материал, сколько художественный стиль и техника росписи и декорировки. Некоторые мастерские специализировались только на росписи, а саму стеклянную посуду изготавливали в других мастерских. Поэтому лицо производства расписного сосуда определяет не форма, а стиль декорировки сосуда. Город Ракка (бывший Каллиникум) на берегу реки Евфрат, один из узловых пунктов переднеазиатской торговли, широко известный не только своими рынками, но и продукцией ремесленных мастерских, особенно из стекла, раньше других сирийских городов стал пользоваться способом расписывания прозрачных стекол эмалевой краской. В отличие от алеппских сосудов XII в., а в дальнейшем—дамасских сосудов XIII в., в росписи которых стала преобладать пышность рисунка с использованием большого количества золота, сосуда в Ракке расписывали скромно и только эмалевыми красками, получавшими после обжига особый блеск.

Согласно армянским дорожникам, одной из оживленнейших артерий средневековья была торговая магистраль, которая вела из Двина в Иерусалим, к Средиземному морю и далее в Северную Африку и проходила через южные города Армении: Маназкерт, Хлат, Нпркерт у Амида—выходила к реке Тигр и шла в Алеппо, Дамаск и на юг. Этим путем везли дань в столицу халифов—Дамаск, шли военные и дипломатические отряды, паломники (мусульмане—в Мекку, христиане—в Иерусалим). По этим же путям постоянным потоком двигались торговые караваны. В международной торговле магистраль играла важную роль и сохраняла свое значение как при арабском халифате (VIII—IX вв.), так и в последующие века (X—XIII вв.). Внутренняя жизнь городов, расположенных вдоль этих дорог, была довольно стабильной, так как на этой территории торговые связи независимо от политической ситуации оставались относительно постоянными. Эти города были многолюдными, благоустроенными, имели хорошие рынки.

В Двине и Ани найдены стеклянные предметы как из ракских (IX в.), так и алеппских (XII в.) и дамасских (XIII—XIV вв.) прославленных мастерских (табл. XLIV).

Весьма интересны находки византийских стеклянных предметов, которые не только способствуют выяснению вопросов, связанных с торговыми от-

ношениями, но и дают возможность изучить некоторые стороны развития византийского ремесленного производства и, в частности, стеклоделия.

В Двине найдены первоклассные образцы мозаичных чаш и фрагменты, имевшие распространение в IX—X вв. на Западе, в частности в Италии. Неглубокая чаша открытой формы изготовлена техникой «миллефиори» (черный стержень, белая окружность, черное окаймление, ячейки соединены между собой черными точками) (табл. XXIX, 37). Стекло глухое, толстое. Она была найдена вместе с византийскими монетами XI в. и синим флаконом цилиндрической формы с резко очерченными плечиками, переходящими в невысокое широкое горло. Дно плоское. Сосуд расписан белой краской узором «птичьего пера» (табл. XXXIII).

Во время раскопок обнаружены также бусы, изготовленные аналогичной техникой, и множество фигурок конической и полусферической формы (табл. XLVI, 78), взвесив которые, мы пришли к предположению, что это—раннесредневековые византийские гири.

В центральном квартале города в слоях IX в. найден стакан из бесцветного прозрачного стекла с синими накладными нитями и волнистым узором (табл. XXXII).

В 1953 г. в одном из помещений цитадели города Двина были найдены фрагменты флакона из тонкого стекла синего цвета, поверхность которого была покрыта росписью, нанесенной золотом и эмалью желтого, зеленого и красного цвета (табл. XXXV). Сосуд имел шаровидное тулово, узкое горло и кольцевой поддон. На тулове были расположены четыре медальона, состоявшие из большого и малого кругов с изображением людей и зверей в центре. В одном медальоне, сохранившемся почти целиком, изображена фигура человека с поджатыми под себя ногами, одетого в свободное платье с длинными рукавами. В левой руке он держит скрипку, в правой—смычок. В центре второго медальона, сохранившегося хуже, изображена фигура льва с приподнятой правой передней лапой. В широком наружном поясе третьего медальона, от которого сохранился лишь небольшой обломок, вокруг центральной фигуры изображены шесть птиц, вписанных в кружки, заполненные растительным орнаментом. Поле между медальонами покрыто орнаментом, напоминающим виноградную лозу. Весь рисунок выполнен золотом. Этот сосуд является одним из немногих предметов высокохудожественной продукции византийских стеклоделов, дошедших до наших дней.

Не меньшее значение для науки имеют изображения на сосудах, особенно фигура человека, играющего на скрипке. Этот рисунок считается древнейшим изображением скрипки-фидели. Горизонтальное положение инструмента (играющий держит скрипку в левой руке, положив ее на плечо и опираясь на нее подбородком) характерно для Запада, тогда как на Востоке на смычковых музыкальных инструментах играли, держа их вертикально.

Специалисты считают, что смычковые инструменты на Западе были известны с IX в. Изображенный на нашем сосуде инструмент, во многом отличающийся от современной скрипки, только условно можно называть скрипкой: корпус ее шире, дека короче и имеет только три струны, однако следует обратить внимание на то, что в конце деки изображены четыре колки. Действительно, мы имеем очень редкое изображение прототипа современной скрипки-фидели. По техническим и стилистическим особенностям сосуд датируется XI в.

Раскопки Н. Я. Марра и его учеников в столице Армении—Ани показали, что центром торговой и ремесленной жизни города был «Новый город», выросший в течение небольшого времени за пределами оборонительных «ашотовых» стен цитадели (постр. 963—964 гг.)⁶². Он имел свои торговые дома, рынки, гостиницы, которые, как и следовало ожидать, были расположены вдоль центральной артерии города—«Главной улицы» («Буч похощ»), тянувшейся от главных ворот новых городских стен (т. н. «смбатовые стены» постр. 989 г.) до Вышгорода. Вдоль нее располагались и другие общественно-административные здания—церкви, мечети, бани.

Как правило, в средневековье в больших городах, какими являлись Двин и Ани, кроме главного центрального рынка, имелись более мелкие специализированные рынки. Так, например, согласно надписи 1198/99 гг. на центральном минарете мечети Кей-Султана-Шеддадида в Ани продажа хлопка, хлопчатобумажных изделий и шерсти разрешалась только на рынке, находившемся на площади у мечети Абул М' амрана⁶³. Интересен тот факт, что отец Кей-Султана, Абул-Сувар Шеддадид, эмир и богатый купец из Двина, в свое время (1072 г.) завоевал Ани не на поле битвы, как это делалось раньше, а купил город на наличные деньги у сельджуков.

Жители города Ани вели оживленную торговлю с Византией. В Государственном историческом музее Армении в Ереване хранится небольшая коллекция византийского стекла из раскопок Н. Я. Марра в Ани, состоящая из дорогостоящих предметов, которые были найдены или в дворцовом комплексе, или домах богатых горожан и храмах⁶⁴.

В коллекции имеется два целых предмета. Флакон из прозрачного стекла марганцового цвета с вытянутым туловом, небольшим круглым дном и высоким горлом был найден в 1907 г. в яме одной из парадных комнат дворца цитадели (табл. XLIII, 7). Второй сосуд представляет собой чашу-лампаду воронкообразной формы с небольшим дном, изготовленную из стекла молочного цвета и украшенную в средней части тремя вдавленными горизонтальными полосками и синими капельками (табл. XLII). Такие чаши, служившие лампадами, вставлялись в специальные оправы и подвешивались к люстрам. Среди фрагментов имеются два куска полусферических чаш, украшенных золотом и эмалью, одна из которых, сделанная из синего

стекла, хорошо реконструируется. Такие чаши также служили лампадками.

Два других фрагмента представляют собой обломки полусферических чаш, украшенных золотом и эмалью. Чаша из синего стекла реконструируется по небольшому фрагменту края, в верхней части украшенного золотой полоской и волнистой линией с подковками в изгибах. Согласно описанию в каталоге Анийского музея⁶⁵, к этой чаше относились еще два фрагмента, на одном из которых имелось изображение плывущего лебедя. Эти фрагменты, также найденные в дворцовом комплексе, не сохранились.

Вторая чаша, найденная в храме Гагика, была изготовлена из марганцового стекла. Тулово ее украшали золотые трехлепестковые кресты «византийского типа», между которыми были помещены небольшие кресты, выполненные эмалью (табл. XLIII, 5, 6).

На двух фрагментах синего стеклянного флякона также сохранились остатки росписи, от которой уцелели лишь два эмалевых трилистника и следы золотой лилии. Заслуживает внимания и обломок цилиндрического стакана из бесцветного стекла с круглой шлифованной фасеткой и остатками росписи золотом и эмалью. Кроме того, имеется фрагмент браслета из синего стекла, украшенного контурным изображением летящей птицы, выполненным желтой эмалью. Этот фрагмент найден при раскопках главной улицы города у мечети Мануче (табл. XLIII, 1—4).

Выделенную нами группу стеклянных изделий XI в., найденных при раскопках двух городов — Двина и Ани, объединяют признаки, характерные для византийских стеклоделательных мастерских: фактура стекла, мотивы, стиль и техника росписи эмалью и золотом.

Несмотря на многочисленные высказывания в письменных источниках о высоком уровне византийского стеклоделия, до последнего времени были известны лишь отдельные экземпляры стеклянных изделий, несомненно, изготовленные в мастерских обширной Византийской империи. Мастерские, где производились стеклянные сосуды с росписью золотом и эмалью, были открыты сравнительно недавно; наиболее крупная из них была исследована Г. Р. Давидсоном в 30-х гг. нашего века в Коринфе.

За последние два десятилетия стеклянные византийские изделия были обнаружены при раскопках в Старой Ладог, Новгороде, Турове, Херсонесе. Особенно интересная коллекция разнообразных высокохудожественных стеклянных византийских сосудов найдена в Новогрудке⁶⁶. Английский археолог А. Мегав при раскопках греческой крепости Пафос на Кипре обнаружил стеклянные изделия византийских мастеров, весьма близкие по формам и рисункам к новогрудским. Все они датируются XI в. Таким образом, археологическая наука сразу стала располагать целым набором хорошо документированных стеклянных византийских предметов, о которых ранее судили лишь по

одной знаменитой вазе из Константинополя, хранящейся в соборе св. Марка в Венеции, да по нескольким фрагментам из Фустата (Египет), которые подтверждали обстоятельное и точное описание техники изготовления цветных стеклянных сосудов с росписью золотом и эмалью в трактате монаха Теофила, жившего в XI в.⁶⁷

Ныне, располагая уже сравнительно большим количеством предметов из стекла этого типа, мы имеем возможность более подробно говорить о художественных и технических особенностях этих предметов, более точно характеризовать стиль, а в некоторых случаях появляется возможность говорить и о локальных особенностях отдельных групп или установить наличие разных школ и мастерских византийских стеклоделов.

Так, обе восстановленные по фрагментам полусферические чаши из Ани имеют свои близкие аналогии с чашами, найденными в Старой Ладог, Новогрудке и на Кипре. Двинский флякон с изображением скрипача имеет много общего с изделиями из Коринфа. Сосуды из Новогрудки и Кипра, возможно, были изготовлены в одной мастерской⁶⁸.

Как находки византийских монет часто дают возможность определять торговые пути, так и находки стеклянных изделий византийского производства могут быть показателями ареала распространения имперской торговли.

На основании изучения большой коллекции стеклянных браслетов из раскопок столицы Хазарского государства Саркела (Северный Кавказ) были сделаны весьма интересные наблюдения о торговых связях этого города. В X—XI вв. браслеты из черного стекла привозили в Саркел из городов Закавказья, в частности из Двина, тогда как расписные и мозаичные браслеты доставлялись из византийских мастерских Херсонеса и Коринфа.

В средневековых дорожниках отмечены еще две дороги, ведущие на север к ближайшему соседу, в Грузию, с которой Армения имела довольно оживленные торговые связи. Одна из Двина через Бджни по ущелью реки Ахстев-Хунан вела в Тифлис, другая шла из Ани через Лори и Дманиси. Необходимо отметить, что в IX—XIII вв. стеклоделие было в Грузии одним из распространенных и развитых ремесел. Раскопками выявлены многочисленные стекольные мастерские, высококачественная продукция которых не только реализовалась у себя дома, но была и предметом вывоза.

Среди стеклянных предметов из раскопок Двина имеется прекрасный кубок на высокой ножке из бесцветного стекла, украшенный накладными нитями и налестками марганцово-красного и желтого цвета (табл. XL). Как известно, подобные кубки производились в городе Рустав⁶⁹.

Очень интересны два фрагмента доннышек сосудов с рисунками, составленными из разноцветных эмалей и покрытыми сверху толстым слоем прозрачного стекла, ближайšie аналогии к которым мы находим среди материала стекольной мас-

терской грузинского города Орбети (табл. XXVII, 16, 17).

В конце XII и начале XIII вв. в связи с оживлением торговли с северным соседом наблюдается большой приток в Армению грузинских монет. Наиболее часто встречаются медные монеты времен царя Тамары и Русудан.

В 30-х годах XIII в. тяжелый удар Армении нанесли монгольские завоевания. В последующие века Армения стала ареной непрерывных войн и набегов, вследствие чего страна пережила глубокий политический и экономический упадок: разорялись и опустошались цветущие города и целые области⁷⁰. Начинается массовое переселение городских жителей-ремесленников и купеческого сословия.

В создавшейся новой политической обстановке в Средней и Передней Азии (Монгольское ханство, Золотая орда) в международной торговле стали играть важную роль северные торговые пути, которые шли из Туркмении в Хорезм, через золотоордынские города к Балтийскому морю. Это перемещение тоже пагубно отразилось на жизни армянских городов. Торговля в основном была сосредоточена в армянских колониях, которые образовались в Дербенде, Трапезунде, в Крыму, на Северном Кавказе, Львове, Киеве и других местах по пути торговых дорог⁷¹.

Подводя итоги нашего исследования можно отметить, что работа, кроме цели публикации очень

ценного и важного материала импортного стекла, найденного в Двине и Ани, ставила перед собой задачу на основании комплексного изучения археологических письменных источников показать схему торговых отношений Армении VI—XIII вв.

В работе использован археологический материал из двух средневековых городов Армении—Двина и Ани. При работе над коллекциями древностей из раскопок этих городов для данной работы основное внимание было направлено на выявление привозных стеклянных предметов с возможным определением места их происхождения.

Наиболее плодотворные результаты в этом отношении дает анализ монетных находок, стеклянных изделий и художественной поливной керамики. К сожалению, металлические предметы при раскопках этих городов были найдены в небольшом количестве.

Для уточнения и дополнения основных выводов археологического материала были использованы дошедшие до нас письменные источники, армянских, арабских и византийских авторов, а также армянский эпиграфический материал.

Таким образом, при сопоставлении всех источников, касающихся средневековой Армении, вырисовывается картина широкой и интенсивной торговли, которую в VI—XIII вв. вели города Армении, крупные центры ремесла и торговли.